

Сотникова Светлана Владимировна

ОБРАЗ ПОГРЕБАЛЬНОЙ КОЛЕСНИЦЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИИ ВЕРТИКАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ РИТУАЛА НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

В статье рассматриваются погребальные комплексы эпохи бронзы евразийских степей, связанные с созданием образа погребальной колесницы. Ставится цель: проследить пути формирования и трансформации традиции вертикальной направленности погребального ритуала. Автор приходит к выводу, что ее возникновение следует связывать с памятниками синташтинского и петровского типов, где образ передается помещением частей реальной колесницы. Дальнейшее развитие эта традиция получает в андроновских (нуринских) памятниках Центрального Казахстана и карасукских памятниках Юга Западной Сибири, где образ колесницы становится все более символичным.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 157-160. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

УДК 902.6

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются погребальные комплексы эпохи бронзы евразийских степей, связанные с созданием образа погребальной колесницы. Ставится цель: проследить пути формирования и трансформации традиции вертикальной направленности погребального ритуала. Автор приходит к выводу, что ее возникновение следует связывать с памятниками синташтинского и петровского типов, где образ передается помещением частей реальной колесницы. Дальнейшее развитие эта традиция получает в андроновских (нуринских) памятниках Центрального Казахстана и карасукских памятниках Юга Западной Сибири, где образ колесницы становится все более символичным.

Ключевые слова и фразы: евразийские степи; эпоха бронзы; андроновская культурно-историческая общность; памятники синташтинского, петровского типов; карасукская культура; погребальный обряд; колесница.

Сотникова Светлана Владимировна, к.и.н., доцент

Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева
svetlanasotnik@mail.ru

**ОБРАЗ ПОГРЕБАЛЬНОЙ КОЛЕСНИЦЫ И ФОРМИРОВАНИЕ
ТРАДИЦИИ ВЕРТИКАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ РИТУАЛА
НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ В ЭПОХУ БРОНЗЫ®**

В эпоху бронзы обширные пространства евразийских степей от Урала до Енисея занимало население андроновской культурно-исторической общности, которое большинство исследователей считает индоиранским [9, с. 116]. В эту общность входили две культуры – федоровская и алакульская. Формирование культуры алакульского населения связано с памятниками синташтинского и петровского типа. Относительно происхождения федоровской культуры пока нет единого мнения.

Отличительной чертой синташтинского погребального ритуала, представленного, прежде всего, в Синташтинском большом грунтовом могильнике, является захоронение одной или нескольких пар целых костяков лошадей на перекрытии или в верхнем заполнении погребальной камеры [4, с. 113, 119-121, 123-125, 127-128, 135, 144, 149, 162-163, 167, 180-181, 183, 200, 207]. Захоронения пар лошадей на перекрытии отчетливо противопоставлены находкам на дне могильных ям, где кости коней, как правило, представлены ритуальными комплексами, состоящими из черепов и костей ног. В ряде случаев на черепках или рядом с ними обнаружены псалии. В некоторых погребениях сохранились также канавки для установки колес от колесницы. С определенной долей вероятности можно предположить, что парные захоронения целых костяков лошадей на перекрытии и ритуальные комплексы из черепов и костей ног лошадей на дне могил являются следами двух разных ритуалов, входящих в погребально-поминальный цикл. Это подтверждается материалами ряда погребений Синташтинского большого грунтового могильника, где в одних зафиксированы следы обоих ритуалов (погребения 4, 5), а в других – лишь одного из них [Там же, с. 113, 120-121, 123-135, 137-140, 144-149, 155-161, 200, 207-214].

Различные исследователи неоднократно сравнивали котлован могильной ямы в таких погребальных комплексах с кузовом колесницы, запряженной парой коней, которая движется вверх, чтобы достичь неба [6, с. 148; 11, с. 61, 63, 65]. Таким образом, прослеживается отчетливое стремление замкнуть образ колесницы в пространстве могильной камеры. Дно могилы, где размещался сам умерший с колесничным инвентарем, являлось, вероятно, символическим воплощением кузова колесницы. Пара лошадей, которая располагалась над погребенным – на перекрытии или в верхнем заполнении могилы, – символизировала, по-видимому, саму запряжку.

Данная традиция осмысления могильной ямы как повозки существовала уже в предшествующее время у катакомбных групп населения, что представляет для нас несомненный интерес, так как многие исследователи предполагают участие катакомбного населения в формировании памятников синташтинского типа. А. Н. Гей считает, что в раннекатакомбных памятниках Предкавказья, наряду с осмыслением входной шахты как вместилища реальной или символической повозки получает развитие и идея отождествления камеры катакомбы с крытой кибиткой, в пространстве которой умершие располагались в соответствии со схемой «три постели». Направление символического движения такой кибитки мыслилось совпадающим с направлением длинной оси камеры и оси расположения тел двух из трех наличных или подразумеваемых покойников – обитателей символического дома на колесах. Третий погребенный имел поперечное расположение относительно других, однако его лицо было обращено в направлении движения повозки. В более поздних маньчжурских катакомбных культурах схема «трех постелей» деградирует, что, по мнению А. Н. Гей, свидетельствует о формировании новой парадигмы, согласно которой символическим воплощением крытой повозки-кибитки выступает уже не камера, а вся катакомба в целом. Камера мыслится как крытая часть кузова со сводчатым верхом, где и лежит покойник, обращенный лицом по направлению движения. Входная шахта рассматривается как место размещения символической запряжки, о чем свидетельствует обычай размещения именно

во входных шахтах западноманычских катакомб костей двух-четырех быков. Как отмечает исследователь, именно в катакомбных могилах западноманычской и восточноманычской катакомбных культур «мы сталкиваемся с наиболее выработанной, законченной и в то же время оторванной от физической реальности и превращенной в символ, а потому и не распознанной до сих пор формулой, предусматривающей полное отождествление погребального сооружения и повозки» [3, с. 97-99].

Дальнейшую тенденцию развития данного символического образа мы имеем в синташтинских и петровских погребальных комплексах, в которых место повозки занимает колесница. В то же время на основании материалов Синташтинского большого грунтового могильника можно прийти к заключению, что данная традиция находилась еще в стадии формирования и поисков средств выражения. Об этом свидетельствуют, прежде всего, те погребения, где остатки полной упряжки (колесничий, колесница и кони), составленной из частей, локализируются только на дне могилы (№ 30 и др.). Вектор ритуала в данном случае разворачивается в основном в горизонтальной плоскости.

Особого рассмотрения требуют синташтинские погребения, на дне которых размещалась полная упряжка, составленная из частей, а в верхнем заполнении – парное захоронение целых костяков коней. Так, в погребении 4 Синташтинского большого грунтового могильника на перекрытии размещались четыре туши коней, а на дне ямы в северной половине зафиксированы два параллельных углубления для колес, в южной – два черепа лошадей. В погребении 5 на перекрытии было размещено попарно шесть туш коней, а на дне в северной половине ямы обнаружены два параллельных углубления для колес, в южной – кости ног и два черепа лошадей. Рядом с черепами сохранились остатки уздечки с костяными псалиями и застегками [4, с. 125-126, 132-135]. Такую традицию можно определить как «колесница в колеснице», причем аналогичная ситуация отмечена для катакомбных памятников, где встречаются находки «повозки в повозке» (помещение в некоторых случаях реальных повозок в шахтах и камерах самих катакомб). Возникновение подобной ситуации А. Н. Гей определяет как «ритуальный алогизм» и предлагает объяснение, обращаясь, прежде всего, к хеттской традиции, где при похоронах хеттского царя особая роль принадлежала двум повозкам, на одной из которых транспортировали к месту погребения тело умершего, а на другой везли его изображение. Опираясь на эту аналогию, исследователь приходит к выводу, что лиц наивысшего социального ранга в катакомбном обществе также хоронили с двумя повозками – символической и реальной [3, с. 102]. Подобное объяснение в определенной степени можно распространить и на синташтинские захоронения. Реальный образ, составленный из черепов, костей ног лошадей и частей колесницы, помещался на дно могилы, в кузов символической колесницы, упряжкой для которой служила пара целых костяков лошадей в верхнем заполнении ямы.

В памятниках петровского типа наблюдается дальнейшее развитие традиции, связанной с символической колесницей (что является дополнительным подтверждением точки зрения тех исследователей, которые считают, что синташтинские памятники в большинстве случаев предшествуют петровским). Парные захоронения лошадей помещаются уже не в могильную яму, а выше – на дневную поверхность, нередко даже на специально насыпанную глинистую или зольную площадку, расположенную рядом с могильной ямой. Впоследствии эта площадка перекрывалась насыпью кургана (Берлик II, Аксайман, Аябергген, Нуртай, Ащису) [5, с. 73-76, 78-81; 10, с. 48; 11, с. 50, 59-65; 15, с. 158]. Такая площадка могла служить в ритуале границей между мирами. Таким образом, проследившая линию развития традиции, связанной с погребальной колесницей, следует отметить, что вектор ритуала постепенно смещается от горизонтальной проекции к вертикальной. Подобный образ колесницы вполне мог рассматриваться как вариант мировой оси, где могильная яма соотносится с нижним миром, дневная поверхность – со средним, ритуальная площадка и насыпь – с верхним. По этой оси душа умершего, дары и просьбы жертвователей достигали обители богов и предков.

Синташтинско-петровская традиция использования образа погребальной колесницы для передачи идеи вертикальной направленности ритуала позже нашла свое продолжение в андроновских комплексах. В могильнике Самара (Центральный Казахстан) представляет интерес ограда 3, которая имела округлую форму и диаметр 4,4 м. На южной плите ограды с внешней стороны обнаружен петроглиф – изображение лошади и округлого тамгообразного знака неясного характера. В центре ограды находилась могильная яма глубиной 0,9 м, в которую впущен каменный ящик, содержащий остатки кремации. Могила ограблена, в заполнении ящика найдены фрагмент керамики без орнамента, обломок бронзовой подвески в 1,5 оборота, обтянутой золотой фольгой, каменный курант [16, с. 58]. Для интерпретации характера данного погребального сооружения следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, плита с изображением лошади находилась практически напротив торцевой юго-западной стенки ящика, а в андроновских погребениях с труположением умершие, как правило, ориентированы головой на ЮЗ. Следовательно, изображение лошади нанесено напротив головной части могилы. Во-вторых, изображение лошади нанесено с внешней стороны оградки. В таком случае погребальный комплекс ограды 3 также может рассматриваться как символический образ колесницы. Кузовом колесницы является погребальная камера, но вместо костяков коней, располагавшихся рядом с могилкой, на внешней стороне оградки нанесено изображение лошади.

Относительно датировки и культурной привязки данного погребения мнения исследователей расходятся. А. А. Ткачев относит этот могильник к памятникам нурынского (федоровского) типа [Там же, с. 64]. И. В. Ковтун считает, что в могиле нет ничего, что подтверждало или опровергало бы андроновскую принадлежность данного погребения. Он считает, что стилистические особенности изображения лошади «появляются не ранее финала II тыс. до н.э., а скорее на рубеже II-I тыс. до н.э. – в первых веках I тыс. до н.э. Следовательно, либо погребение в ограде 3 андроновское, но синхронно указанному периоду, что маловероятно,

либо рисунки принадлежат постандроновской культуре. Наконец, плита с рисунками могла переиспользоваться андроновцами (?) при сооружении захоронения. Правда в этом случае хронология андроновского комплекса могильника Самара перестает укладываться в общепринятую периодизационную последовательность степных культур эпохи бронзы Северо-Западной Азии» [7, с. 95].

С мнением И. В. Ковтуна относительно неопределенной культурной принадлежности погребения из ограды 3 трудно согласиться. В этом погребении сочетаются две традиции – федоровская (обряд кремации) и алакульская (бронзовые подвески в 1,5 оборота, покрытые золотой фольгой). Сочетание таких признаков характерно для погребений с кремацией из некоторых федоровских могильников лесостепного Алтая. Так, в могильнике Фирсово-XIV в могиле 104 обнаружены остатки кремации и четыре подвески в 1,5 оборота. Могила 222 этого могильника представляла собой биритуальное захоронение. Костяк мужчины 20-25 лет находился в скорченном положении, на левом боку, перед лицевой частью его черепа размещались остатки кремации. Сверху на кремированных останках лежали четыре бронзовых браслета, два биспиральных бронзовых кольца, восемь подвесок в 1,5 оборота и другие украшения [1, с. 51-52]. Более того, на территории лесостепного Алтая и Восточного Казахстана имеется целый ряд федоровских могильников, в которых представлены различные украшения алакульского типа [14, с. 83-84]. Наиболее выразительная картина зафиксирована в могиле 2 кургана 3 могильника Кулевчи VI (Южное Зауралье), где в восточной части дна находились два скопления кальцинированных костей в сопровождении украшений, среди которых были и подвески в 1,5 оборота. Керамика этого погребения имеет алакульско-федоровский облик [2, с. 142-145]. Таким образом, вероятно, следует согласиться с мнением А. А. Ткачева о нуринской (федоровской) принадлежности погребения из могильника Самара, но можно уточнить, что в материалах погребения нашли отражение контакты алакульского и федоровского населения.

Заслуживает особого внимания способ погребения умершего в ограде 3 из могильника Самара – кремация. Учитывая индоиранскую атрибуцию андроновского населения, представляется возможным привлечь для понимания этого обряда сведения из древнеиндийской «Питримедхасутры» Баудхаяны, которые приводятся в работе Е. Е. Кузьминой [8, с. 140] и в рецензии С. В. Кулланды на английское издание этой книги [12, с. 204]. Если дважды рожденный (*к этой категории населения относилась и варна воинов-кишатриев – С. С.*) умирал на чужбине, то собирали 33 кости разных частей скелета, заворачивали их в шкуру черной козы и транспортировали на родину, где и совершали обряд кремации. Таким образом, зафиксированный в погребении из ограды 3 обряд кремации может свидетельствовать о принадлежности этого захоронения воину, возможно даже колесничему, умершему на чужбине и доставленному на родину для совершения погребального ритуала, включающего сожжение костей.

Таким образом, материалы андроновской (федоровской) ограды 3 свидетельствуют о том, что синташтинско-петровская традиция захоронения воина-колесничего в сопровождении колесницы со временем не исчезает, но приобретает все более символический характер.

На территории южной части Западной Сибири представляется возможным проследить дальнейшее развитие традиции создания символической погребальной колесницы. Эта традиция получает развитие в памятниках карасукской культуры, сформировавшейся при участии андроновского (федоровского) населения этого региона. Одним из наиболее ярких и сложных памятников эпохи поздней бронзы среднего Енисея являются погребальные петроглифы с изображением различных типов колесниц и повозок. Как правило, подобные петроглифы являлись частью надземных или подземных каменных погребальных сооружений и, по мнению Е. Е. Филипповой, «выполняли определенную смысловую нагрузку во время сложных ритуалов, связанных с погребальным обрядом племен карасукской эпохи» [17, с. 90]. Наиболее выразительные находки были сделаны в могильнике Хара хая (XII-X вв. до н.э.). Сложная композиция из погребальных колесниц была представлена на небольшой плитке от разрушенного каменного перекрытия погребальной камеры. Центральное место на ней занимает плановое изображение распряженной колесницы с двумя небольшими платформами овально-вытянутой формы и четырьмя отсеками. Первая платформа расположена по центру колесной оси, концы которой завершаются небольшими круглыми четырехспицевыми колесами. Вторая выдвинута немного вперед, соединена с первой, и от нее отходит короткое прямое дышло. Перед колесницей находится схематическое изображение антропоморфной фаллической фигуры. Е. Е. Филиппова считает, что наличие второй платформы по-иному определяет функциональное назначение колесницы. Фигура умершего человека и колесница объединены сложным ритуалом, связанным с той частью погребального обряда, который предшествует погребению, а сама колесница является ритуальной повозкой. Более того, Е. Е. Филиппова приходит к заключению, что все погребальное сооружение, где обнаружена плита с рисунками колесниц, связано с погребением воина-колесничего [Там же, с. 90, 92].

Другая каменная плита с изображениями колесниц карасукской эпохи была найдена в переиспользованном состоянии на одном из курганов раннетагарского могильника близ улуса Нижняя База (Хакасия). На плите четко различимы изображения трех колесниц-двуколок. Они показаны следующими друг за другом от правого нижнего к левому верхнему углу. Они все распряжены и имеют дышла с треугольными распорками. Нижняя – легкая колесница с большими колесами с четырьмя спицами. Следующая – большая тяжелая колесница на маленьких дисковидных колесах. Верхняя колесница представляет собой как бы промежуточный вариант между двумя предыдущими: показана площадка легкой повозки и маленькие дисковидные колеса тяжелой. С. Н. Леонтьев считает, что «здесь изображены три типа одноосных колесниц карасукской эпохи – легкая, средняя и тяжелая. Они выполнены в единой стилистической манере и, возможно, связаны одним сюжетом. При первоначальном положении плиты колесницы были направлены вертикально вверх, от земли к небу» [13, с. 12-13].

Таким образом, традиция, связанная с созданием образа погребальной колесницы, позволяет проследить пути формирования и трансформации идеи вертикальной направленности погребального ритуала, имеющего отношение к захоронению воинов-колесничих. Образ погребальной колесницы в синташтинских и петровских погребальных комплексах передается помещением частей реальной колесницы, но уже появляется тенденция к символизации, когда погребальная камера выступает как кузов символической колесницы, упряжкой для которой служит пара целых костяков лошадей в верхнем заполнении или рядом с ямой. В синташтинско-петровский период вектор ритуала постепенно смещается от горизонтальной проекции к вертикальной. Со временем образ погребальной колесницы становится все более символическим, что нашло выражение в изображении лошади на плите оградки с андроновской (федоровской) могилой и в погребальных петроглифах с изображением колесниц в карасукских памятниках. По-видимому, в андроновский и карасукский период такие погребальные комплексы также связаны с захоронением воинов-колесничих, а символическая погребальная колесница служила средством отправления души умершего в верхний мир.

Список литературы

1. Блохин А. А. Некоторые особенности андроновского погребального обряда (по материалам могильника Фирсово XIV) // 275 лет сибирской археологии: материалы XXXVII региональной археолого-этнографической студенческой конференции (РАЭСК). Красноярск: Универс, 1997. С. 51-53.
2. Виноградов Н. Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // Советская археология. 1984. № 3. С. 136-153.
3. Гей А. Н. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.: Восточная литература, 1999. С. 78-113.
4. Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Урал. книж. изд-во, 1992. 408 с.
5. Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
6. Зданович Д. Г., Куприянова Е. В. Лошади и близнецы: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы // Аркаим-Синташта: древнее население Южного Урала: к 70-летию Г. Б. Здановича. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. С. 130-161.
7. Ковтун И. В. Нонфигуративность андроновского искусства: идеи, факты, интерпретации // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4 (60). Т. 4. С. 95-101.
8. Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 558 с.
9. Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). М.: Наука, 1981. С. 101-125.
10. Кукушкин А. И. Курганы Центрального Казахстана с колесничной атрибутикой // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы III региональной научно-практической конференции. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2006. С. 47-51.
11. Кукушкин А. И. Могильник Аяпберген – раннеандоновский памятник Центрального Казахстана // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар: НПФ «Эко», 2006. Вып. 2. С. 50-69.
12. Кулланда С. В. Рецензия на: Kuzmina E. E. The Origin of the Indo-Iranians / ed. by J. P. Mallory. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series / ed. by Al. Lubotsky. Leiden – Boston, 2007. Vol. 3 // Вестник древней истории. 2010. № 3. С. 202-211.
13. Леонтьев С. Н. Новые изображения колесниц карасукской эпохи из Хакасско-Минусинской котловины // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства (САИПИ). 2000. Вып. 2. С. 12-13.
14. Сотникова С. В. О формировании традиции трупосожжения в алакульском погребальном обряде // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар: НПФ «Эко», 2006. Вып. 2. С. 81-87.
15. Ткачев А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.
16. Ткачев А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.
17. Филиппова Е. Е. Изображение ритуальной колесницы карасукской эпохи из могильника Хара хая // Северная Евразия от древности до средневековья: тезисы конф. к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 89-92.

IMAGE OF HEARSE AND FORMATION OF TRADITION OF VERTICAL ORIENTATION OF RITUAL WITHIN TERRITORY OF THE EURASIAN STEPPES IN BRONZE EPOCH

Sotnikova Svetlana Vladimirovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Tobolsk State Social and Pedagogical Academy named after D. I. Mendeleev
svetlanasotnik@mail.ru

The article considers the funeral complexes of the Bronze epoch associated with the creation of the image of the hearse. The task of the research is as follows: to analyze the ways of the formation and transformation of the tradition of the vertical orientation of the funeral ritual. The author concludes that its origin should be associated with Sintashta and Petrovka monuments where the image is represented by the location of the parts of the real chariot. This tradition is further developed in Andronovo (Nurinsk) monuments of central Kazakhstan and in Karasuk monuments of the south of Western Siberia where the image of the chariot becomes even more symbolic.

Key words and phrases: the Eurasian steppes; the Bronze epoch; Andronovo cultural and historical community; Sintashta and Petrovka monuments; Karasuk culture; funeral ritual; chariot.